

Ю. К. Герасимов об А. А. Мухине

Подготовка текста, вступительная заметка и комментарии
О. Е. Рубинчик

Юрий Константинович Герасимов (1923–2003)¹ – специалист по русской литературе конца XIX – начала XX в. и по истории русского театра.

В 1941 году Юрий Константинович закончил школу № 2 (ранее существовавшую под № 204), где литературу в старших классах преподавал А. А. Мухин, и был зачислен как отличник на филологический факультет университета. Всю войну провел в Заполярье, последние два года – в передовых частях. Осенью 1945 года восстановился в университете. В январе 1948 года был арестован, обвинен в антисоветской деятельности в составе студенческой группы и по решению ОСО приговорен к 10 годам лагерей строгого режима.² Сначала работал на шахтах в Инте. 1952(?)–1954 годы провел в Абези, в лагере для нетрудоспособных (инвалидов, стариков), где содержались в заключении многие деятели культуры; оказался там потому, что еще во время ареста заболел малярией. Встретился в этом лагере с царкосельским учеником Мухина, – известным искусствоведом Николаем Николаевичем Пуниным (1888–1953).³ Вместе с другим заключенным, искусствоведом и поэтом Виктором Михайловичем Василенко (1905–1991), похоронил Пунина в абезьской земле, «заменяв двух литовцев в похоронной бригаде – заменив могильщиков».⁴ Работал электриком в мордовских лагерях. Был освобожден в 1956 году, позднее реабилитирован. В 1960 году окончил университет. Ю. К. Герасимов – кандидат филологических наук, доктор искусствоведения, с 1979 по 2003 год научный сотрудник Пушкинского Дома, заведующий группой по изданию сочинений А. А. Блока.⁵

14 апреля 1995 года в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме состоялся вечер, посвященный Пунину.⁶ В числе выступавших с воспоминаниями был и Ю. К. Герасимов. Его рассказ об их лагерном

общении был записан на магнитофон.⁷ В данной публикации приведен фрагмент записи, касающийся знакомства с Пуниным и упоминаний о Мухине и Анненском – в разговорах, происходивших близ Воркуты, «на самом полярном круге».

* * *

...Найти земляка, да еще питерца, было делом непростым, <...> я узнал, что находится в лагере Николай Николаевич Пунин. Я набрался смелости и через несколько дней пришел в соседний отсек гигантского барака из бывшего гаража-эллинга, это гигантский барак, который вмещал около тысячи человек. Я <...> представился, сказал, что имел удовольствие слушать несколько раз его лекции в университете, <...> что слава о нем как о блестящем лекторе <...> была, и не один я, ходили с других факультетов, я – с филологического <...> на него это не произвело никакого впечатления, и он отнесся ко мне <...> довольно сухо. <...> Мы с ним потом сыграли в шахматы, это еще ухудшило наши отношения, потому что я имел бестактность выиграть у Николая Николаевича. Он, вероятно, играл когда-то очень хорошо, но в это время... <...> Он сохранил полностью трезвость, ясность и четкость своего ума, потребность в умственной работе, потребность в общении, лекционную какую-то <...>, профессорство – это в нем было, но уже заметны были моменты разрушения человеческой природы, печальные, которые от тюремного в основном, конечно, пребывания, со времен следствия, вероятно, шли. Был сильный тик лица, оно подергивалось <...> он как бы подмигивал часто,⁸ вообще внешность <...> была такая, как у человека, пережившего какую-то огромную катастрофу, хотя державшегося: никакой паники у него не было и отчаяния не было. <...> Он следил за собой, был очень чисто одет – это было непросто в лагере. <...> Хотя там всегда <...> давали все старое людям, у него все было как-то подштопано, воротничок меховой был пришит к бушлату, валенки с галошами были, это было очень практично, удобно, а большинство стариков ходило в таких чунях: раздирают колеса автомобильные, покрышки и <...> проволокой шьют большие лапти, и потом выдается <...> носок до колена для тепла или портянки <...>, и в этой обуви немислимой, но все-таки довольно теплой щеголяли все – и министры

из стран Прибалтики, и некоторые другие крупные <фигуры> <...>. А Николай Николаевич ходил с палочкой, и мы его с любовью называли <...> «версальский щеголь» <...> Старался держаться очень как-то прямо, не сдавшимся человеком.⁹

<...>

Через несколько дней я пришел в очередной раз. Была пурга. На работы (я, как молодой человек, был в рабочей бригаде, по обслуживанию) мы выходили из зоны, и по вечерам я мог ходить в другие бараки, хотя это было опасно, нарушение режима, но все-таки мы ходили. И я как-то зашел опять к Николаю Николаевичу. <...> Беглый разговор, может быть, за партией шахмат. Шла речь о литературе, о начале века, он хорошо ее знал, эту литературу, это литература его молодости и зрелости даже. Он знал всех символистов <...> футуристов, конечно, многое знал наизусть. И это было очень <...> познавательно, потому что книг-то было мало, и в ходу там были такие как бы альбомчики: стихи записывали. <...> Это не только мое было свойство, многие это делали, кто интересовался, – люди помоложе, у которых еще была страсть к обучению. А я был арестован студентом третьего курса, <...> я входил, так сказать, в интерес филологического литературоведения – и вот на ходу оборван... У меня осталось желание учиться, что-то познавать, и при всяком удобном и не очень удобном случае я пытался изучать языки,¹⁰ <...> общался <...> Все, что можно было читать, – там очень была скудная библиотека – обычно на руках. И вот <...> самодельные альбомы, которые быстро погибали, потому что при ночных обысках их очень часто отнимали, ничего держать при себе было нельзя, но все равно мы записывали, потому что главное потом переходило в память, и масса стихотворений осталась в памяти. <...> Николай Николаевич тоже с удовольствием слушал, когда я ему читал что-нибудь, поскольку это шло от эмигрантов. Эмигрантские стихи были нам неизвестны, малоизвестны, в том числе стихотворения <...> Ходасевича <...> Николай Николаевич был арестован <в 1949 году> – значит, с багажом сорок девятого года, то есть, можно сказать, довоенное знание русской поэзии начала века, а эмигранты принесли с собой – там были интеллигенты, авторы монархических газет, <...> достаточно образованные, и они помнили кое-что. И вот этот общий фонд знания стихов, и другие знания тоже, как-то находили употребление,

и общение было – конвекция, так сказать, идей была, конечно. И Николай Николаевич с интересом слушал, Ходасевича слушал, у меня было в альбоме, и я уже помнил наизусть многие стихотворения. И в связи с одним из стихотворений зашла речь о Бальмонте. Он говорит: «Я Бальмонта не люблю, но вот одно из стихотворений мне нравится. У него есть <...> пронзительно русское стихотворение – “Безглагольность”».

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаённой печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

И так далее. «Вот это, – я говорю, – Николай Николаевич, я могу вам прочесть». Он удивился: советский студент, послевоенный, Бальмонта читает! Я прочел. Он: «Откуда вы это знаете?» Я говорю... Я учился в так называемой Бекетовской гимназии – это была школа при университете, там, где сейчас на филфаке помещение называется «школа» <...>, хотя многие не знают, почему <...>. До войны там была единая средняя трудовая школа, 204-я, и учителем литературы в старших классах был <...> Аркадий Андреевич Мухин. Я рассказал Николаю Николаевичу, что Аркадий Андреевич у нас <преподавал>. Он был старый человек уже... По моим представлениям школьным, ему чуть не восемьдесят, но очень был крепкий высокий старик, с могучей рукой, хваткой. Когда он брал шалуна за плечо, тот просто... Это было страшно. Аркадий Андреевич уже ничего, видимо, не боялся, у него был авторитет огромный, поэтому он преподавал совершенно по-другому. И он нас заставлял учить и Брюсова, и Бальмонта, и Блока, и многих других поэтов, в старших только классах. И когда я рассказал замолчавшему Николаю Николаевичу о Мухине, он был просто поражен, поскольку он Мухина прекрасно знал. Это царскосельский преподаватель, который еще принимал экзамен у Гумилева. Я был потрясен тем, что, оказывается, у меня с Гумилевым был общий учитель литературы. Такое открытие меня, конечно, ошеломило. А Николай Николаевич был уверен, что Мухин или погиб в свое время, или был арестован, или просто мог умереть своей смертью уже много раз. И то, что перед войной

Мухин был еще жив, это Николая Николаевича... Ну, как-то он даже себя <...> корил за это <...>: надо было его навестить <...> Сожаление, по крайней мере, у него было.¹¹ Мухин и его жена умерли здесь во время блокады, на Васильевском острове. Никаких документов не осталось, ничего, я пытался искать.

Имя это знаменито еще и в другом отношении, и Николай Николаевич, конечно, это знал. Я тогда знал еще значительно меньше, чем сейчас знаю: жена Мухина, Екатерина Максимовна – это пассия, такая безнадежная пассия Иннокентия Анненского,¹² которой посвящен «Кипарисовый ларец».¹³ Шкатулку с посвящением «Кипарисового ларца» я видел, когда Аркадий Андреевич <...> меня и моего приятеля Юру Иванова, одаренного художника, погибшего во время войны, пригласил к себе. Два раза всего мы у него были. Он показывал рукописи Иннокентия Анненского, и я видел жену, Екатерину Максимовну. И все это я рассказал Николаю Николаевичу. Он <слушал> с большим интересом и, повторяю, с некоторым сожалением, что не знал до войны, что <Мухин> жив – ну, затерялись, конечно, судьбы, разные судьбы...

¹ Подробно о нем: Юрий Константинович Герасимов (9 сентября 1923–11 июня 2003) // Русская литература. 2003. № 3. С. 239.

² О Герасимове в лагере см.: Герасимов Юрий Константинович. Реквием: судьбы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.requiem.spb.ru/list/person.php?id=281&y=1>; Рубинчик О. «Реквием» по жертвам репрессий // Русская мысль. 2000. № 4344. 7–13 декабря. С. 9.

³ Пунин Н. Н. – выпускник Николаевской гимназии 1907 г. О Пунине-гимназисте, в частности, о нем как о лидере «гимназического сопротивления», инициаторе «химической обструкции» в 1905 г., в период директорства Анненского, см.: *Финкельштейн К. И.* Императорская Николаевская Царскосельская гимназия. Ученики. СПб., 2009. С. 210–212. Прямым учеником Анненского Пунин не был, но позднее стал почитателем его творчества, написал о нем статью. Не раз поминал Анненского в дневнике и письмах. См.: *Пунин Н. Н.* Проблема жизни в поэзии И. Ф. Анненского // Аполлон. 1914. № 10. С. 47–50; *Пунин Н. Н.* <Из мемуарных записей> // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1981. М., 1983 (оба материала перепечатаны в изд.: Иннокентий Анненский глазами современников. СПб., 2011. С. 392–397); Пунин Н. Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. М., 2000.

⁴ Из магнитофонной записи воспоминаний (см. примеч. 7).

⁵ За помощь в подготовке справки о Ю. К. Герасимове благодарю его вдову Валентину Васильевну Крамскую и дочь Екатерину Юрьевну Герасимову. За содействие в работе моя искренняя благодарность также Г. В. Петровой.

⁶ Мемориальная часть музея расположена в квартире Пунина, где с середины 1920-х по 1953 г. жила Ахматова, до сентября 1938 г. состоявшая с ним в неофициальном браке.

⁷ Запись и ее расшифровка хранятся в музее; один из экземпляров расшифровки находится в домашнем архиве автора этого комментария. Расшифровка выполнена К. Н. Кочкиной.

⁸ По словам внучки Пунина А. Г. Каминской, тик у него начался в 1898 г., после смерти матери. Тогда же он начал сильно заикаться, но заикание еще в гимназические годы преодолел: выходил на балкон и произносил речь с камушками во рту, так что впоследствии никогда не заикался. А. Г. Каминская знает об этом по рассказам своей матери И. Н. Пуниной, таковы семейные легенды (сообщено автору комментария в телефонном разговоре 14 ноября 2015 г.).

⁹ Ю. К. Герасимов объяснял «щегольство» Пунина в другой части рассказа: «Родным Николая Николаевича не в чем себя упрекнуть. Он получал довольно много и регулярно посылки. Посылки – это его, конечно, поддерживало <...>, потому что питание было очень плохое <...> Кто не получал посылки, было трудно просто выжить, начиналась цинга, пеллагра, выпадали зубы, <были> и прочие прелести подобного рода. Николай Николаевич – благодаря тому, что у него был чай, к чаю всегда что-то было – еще имел и какие-то услуги, у него было нечто вроде денщика из эмигрантов, <денщик> помогал ему, приносил ему... Николай Николаевич почти не ходил в столовую, ему приносили в котелке, что нужно было, а часть он отдавал – скажем, баланду он отдавал. Он пил чай и съедал на второе кашу какую-нибудь. <...> Так что в отношении быта он был довольно благоустроен, насколько это можно было в тех жутких все-таки условиях. <...> Большинство лежало вповалку на нарах без всякой перегородки. <...> У Николая Николаевича было отделенное небольшим проходом, как бы индивидуальное местечко. За это он, конечно, кому-то платил – <...> салом, сигаретами, табачком, чем-нибудь, чайком, может быть. Пачкой чая иногда платили, но это, конечно, стоило того, чтобы жить отдельно, чтобы тебя ночью <сосед> не толкал коленом и так далее».

¹⁰ Древнегреческому языку в лагере Ю. К. Герасимова учил известный религиозный философ Лев Платонович Карсавин (1882–1952). Юрием Константиновичем написаны мемуарные этюды о Пунине и Карсавине (не опубликованы). Упоминания о Ю. К. Герасимове в связи с Карсавиным см.: *Хоружий С. С.* Русский философ в Литве. A Case study // Русский мир. Пространство и время русской культуры. Альманах. СПб., 2008. № 1. С. 201; *Шаронов Владимир.* «Он всегда был русским...». История установления места захоронения Льва Платоновича Карсавина. The Ergo Journal. Русская философия и культура. 20 июля 2014. [Электронный ресурс]. URL: www.ergojournal.ru/?p=1941

¹¹ Ср. запись П. Н. Лукницкого, навещавшего Мухиных в 1925 г., чтобы расспросить их о Гумилеве и об Анненском: «Пришел к АА. Пунин был дома <...> мы позвали его слушать интересные его воспоминания Мухина. <...> Читал, а они слушали с большим интересом. <...> Пунин выразил желание пойти к Мухиным как-нибудь и расспросить их об Анненском, но АА отсоветовала ему, сказав, что мне они, пожалуй, лучше и больше расскажут» (*Лукницкий П. Н.* Асумiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. С. 286. Запись от 1 декабря 1925 г.).

¹² Считать Е. М. Мухину «безнадежной пассией» Анненского едва ли справедливо. Обоюдную глубину их отношений показывает характер его писем к ней и опубликованное А. И. Червяковым письмо самой Екатерины Максимовны – одной из «жен-мироносиц» поэта, как называл ее В. Кривич (*Бегичева О. С.* Биографическая заметка о Ин. Фед. Анненском и Н. П. Бегичевой // *Иннокентий Анненский глазами современников.* С. 152; письмо Мухиной Анненскому см. в изд.: *Анненский И. Ф.* Письма. В 2 т. СПб., 2007. Т. I. С. 362).

¹³ Мухиной посвящено несколько произведений Анненского, сборник же «Кипарисовый ларец» такого посвящения не имеет. Возможно, посвящение было на том рукописном варианте «Кипарисового ларца», который, судя по свидетельству Ю. К. Герасимова, хранился у Мухиных и до нас не дошел, как и часть писем Анненского к Екатерине Максимовне.